

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

В КУЛУАРАХ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ

(См. 2-ю страницу)

КРОКОДИЛ

Литераторы российские...

Ах, если бы мог самарский фельетонист Иегудиил Хламида, впоследствии получивший мировую известность как писатель Максим Горький, побывать на первом учредительном съезде писателей Российской Федерации! Как бы порадовался он тому, что увидел и услышал, как горячо одобрил бы замечательную идею этого съезда!..

Уже давно жизнь разрушила и по ветру развеяла пошленькую легенду, сочиненную околелитературными обывателями, о том, что за пределами Москвы и Ленинграда начинается литературная пустыня, в которой если и водится настоящий литератор, то лишь в виде дикой одиночки. Давно уже возмужала, выросла и окрепла русская литература, опирающаяся на такие крупные культурные центры страны, как Ростов-на-Дону и Краснодар, как Воронеж и Саратов, Куйбышев и Новосибирск, Архангельск и Мурманск, Казань и Чебоксары, Махачкала и Хабаровск, и... «нести им числа!» И давно уже настоящий советский читатель, взыскательный и строгий друг писателя, знает, что, открыв книжку современного периферийного писателя, он, как правило, не столкнется ни со старой провинциальной отсталостью, ни с былой провинциальной без-

вкусицей, ни со старомодной наивностью. Настоящий советский читатель знает, уважает и любит писателей — авторов интересных книжек, изданных «во глубине России».

...Много забот и дел у съезда, многого от него ждут и писатели и читатели.

Нужно навести порядок в большом литературном хозяйстве Федерации, нужно проверить свою боевую готовность в связи с идущими и предстоящими мирными боями на многочисленных фронтах коммунистического строительства, нужно укрепить связи с братскими литературами внутри Союза и за рубежом, в странах народной демократии. Нужно поговорить, поломать копыя, поспорить о самом главном: о современной теме, о подходе к ней, о современном герое — положительном и отрицательном. Да, об отрицательном. Мы не скрываем, что у нас имеются и такие «герои» — плуты и взяточники, бюрократы и холодные чинуши-волокички, хапуги и себялюбцы, все те, по ком плачет хлесткий сатирический бич. О советской сатире, о советском смехе — напомним! — тоже пойдет разговор на писательском съезде.

КРОКОДИЛ

В КУЛУАРАХ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ

(См. обложку журнала)

Через несколько дней откроется первый учредительный съезд писателей Российской Федерации.

Наш специальный корреспондент художник И. Семенов любезно предоставил Крокодилу одну из своих будущих зарисовок на съезде.

...Только что закончился основной доклад. Делегаты и почетные гости обмениваются впечатлениями, ведут непринужденные беседы, знакомятся друг с другом.

Сколько радостных встреч, сколько волнующих моментов!

Вот Корней Чуковский (наверху слева) фотографирует на память группу поэтов.

Рядом с Александром Пушкиным, как и следовало ожидать, Владимир Маяковский (...«нам стоять почти что рядом: вы на Пе, а я на ЭМ»). Тут же в непринужденных позах расположились Константин Симонов, Вера Инбер, Николай Тихонов, Степан Щипачев, Николай Асеев, Самуил Маршак, Виссарион Саянов, Михаил Светлов, Александр Прокофьев.

Предусмотрительный Корней Иванович, несомненно, использует эту редкую фотографию в новом, дополненном издании своего труда «Люди и книги», где подробно расскажет о своих встречах с Александром Сергеевичем и другими великими современниками.

Председатель секции московских сатириков Александр Безыменский (наверху спра-

ва) радушно приглашает делегацию классиков в составе Николая Гоголя, Михаила Салтыкова-Щедрина, Александра Грибоедова и Антона Чехова поделиться опытом работы над созданием сатирических образов. Делегацию сопровождает признанный знаток классического наследия Леонид Ленч.

Писатели-партизаны Денис Давыдов и Петр Вершигора (на снимке запечатлена его классическая борода) дарят друг другу авторские экземпляры книг о партизанском движении в Отечественных войнах.

Владимир Ермилов истово излагает неистовому Виссариону свой метод писания безошибочных критических статей.

О чем договаривается Николай Некрасов с поэтами Александром Твардовским, Михаилом Исаковским и Алексеем Сурковым? Конечно, о новых творческих поездках, в результате которых будут созданы новые циклы «За далью — даль».

Константин Станюкович не может скрыть перед советскими писателями-маринистами Леонидом Соболевым, Борисом Лаврениевым и Александром Жаровым своей неподдельной зависти: «В моих рассказах и повестях чуть ли не половину текста занимают сноски с объяснениями морских выражений и терминов. Как вы обходитесь без этого? Неужели вам удалось добиться стопроцентного «оморачивания» своих читателей?!»

Константин Паустовский хвастается перед Иваном Тургеневым: «Вон какую щуку

выловил в Мещерской стороне! Не то что у вас на Орловщине».

С кем сердечно беседует драматург Александр Островский? Автор знаменитого «Леса» от души приветствует Леонида Леонина, поднявшего свой депутатский голос в защиту русского леса.

Сергей Михалков и Иван Крылов живо обсуждают проект конвенции о справедливом распределении между баснописцами сюжетов, морализованных концовок и персонажей. В частности, Михалков оговорил для себя монопольное право на использование в своих баснях бобра.

Видный лермонтовед Ираклий Андроников представляет Валентину Катаеву молодого поэта Михаила Лермонтова. Оказывается, поэт вдохновился повестью Катаева и написал по сему поводу стихи «Белеет парус одинокий».

Максим Горький хвалит статью Федора Гладнова против засорения русского языка. Алексей Максимович рекомендует Константину Федину, как руководителю Московского отделения Союза писателей, также заинтересоваться этой нестаряющей проблемой.

Никак не могут наговориться Лев Толстой и Михаил Шолохов. У них ведь столько общих тем для творческих разговоров: эпопея у одного, эпопея у другого, казаки действуют и у того и у другого...

Художник приносит извинение за то, что не поместил в рисунке многих классиков и современников.

— Наконец-то собрался посмотреть, как молодые рабочие живут, а у них окна фанерой заколочены...

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Пробка со свистом пронеслась и ударилась в потолок. Брызги шампанского разлетелись по кабинету, переливаясь радугой в лучах заходящего солнца. Присутствующие хором прокричали троекратно: «Ура! Ура! Ура!». И золотистая влага, пенясь и искрясь, полилась из бутылки в бокалы.

— За нашего директора!

— За его хороший отдых и благополучное возвращение! — раздавались тосты.

Что касается виновника торжества, директора магазина № 277 второго горпищеторга Шифрина Николая Григорьевича, то он был в этот момент в весьма приподнятом настроении и чувствовал себя превосходно. Завтра он уезжал на курорт! В честь такого важного события без отрыва от производства он организовал прощальный банкет.

Когда был объявлен новый тост, слово взял сам директор. Он произнес краткую, но весьма внушительную речь:

— Друзья! Служивцы! Прошу не подкачать в работе! Было бы вам известно, что после отпуска мой карман может оказаться пустым и потребует пополнения!

— Не изволь беспокоиться, Николай Григорьевич, не подведем. Выручим. Нам это не впервые, — промолвила его заместитель Волошина. — По правде сказать, и сейчас не обидели. Не с пустым карманом едешь!

— Что-то не очень густовато, — иронически заметил директор.

— Николай Григорьевич, посовеститесь так говорить! — вмешалась в разговор продавщица Гричмановская. — От меня только одной шестьсот рублей получили! У продавца Семеновой, что торговала мукой на рынке, две тысячи рублей взяли...

— А сколько товаром забрали! — добавила Радионцева. — И еще мало!..

— Это только на дорожные расходы, — как бы оправдывался директор. — Сами знаете, дорога до Сочи не короткая, много денег потребуется. Да и на курорте не будешь сложа руки сидеть.

— Не тревожься, подкинем... Пейте, бабоньки! — прокричал хмельной женский голос.

Зазвенели бокалы.

Вскоре директор опьянел. Осолодевшими глазами он обвел кабинет. Знакомые лица сослуживцев предстали перед ним, как в тумане. Потом перед ним все запырило, закачалось, закружилось, и он, не владея собой, тяжело повалился в угол. С трудом его подняли, усадили на стул.

Охмелевшие сослуживцы, как говорится, развязали языки. Пока Шифрин пребывал в невменяемом состоянии, они, образно выражаясь, перемывали его косточки.

— Ох, и хапуга наш директор! — начала одна из продавщиц. — Сколько денег от нас вытянул и еще просит! Мало того, что всю естественную трату себе забирает, еще и «бедных» обирает. Бесфактурный товар заставлял продавать, а выручку тоже себе хапает!

— Полноте лишнее на человека наговаривать! — заступилась Волошина. — Разве вам мало того, что остается от обчета и от обвеса покупателей?

— Именно мало! Вы с директором больше нашего тянете! — заговорила та же продавщица. — Скажи: сколько ты в карман положила, когда масло по завышенной це-

не в продажу пустила? Без малого тысячу! А сколько досталось тебе, когда продавец Ульянова бесфактурную селедку продавала? А? Больше тысячи! Медведева тебе от продажи кваса шестьсот рублей отдала.

— Ну, хватит, девочки, кричать! — начала успокаивать Волошина. — Вдруг услышат? Торговое начальство тут, за стенкой, сидит.

— Ха! Услышат! Они не только не слышат, они под носом ничего не увидят. Ведь вы их свыше двух лет опутываете, фиктивные ведомости на зарплату подписывать им подсовываете. В ведомостях-то три мертвые души значатся. Зарплату ежемесячно начисляете им, а денежки себе грабастаете. Они же этого не видят. А ревизоров как обводите...

— Прекратим лучше этот пустой разговор. Мы все не в обиде. Давайте еще по бокальчику, — предложила Волошина.

— И верно, бабоньки, чего нам делить? — вмешалась одна из продавщиц. — Лучше споем «Что нам жить и тужить...».

— Правильно! С чего бы нам тужить! А ну, кто? Выходи на круг!

Понеслась песня. Громко застучали каблучки. Крепко спавший директор проснулся. Медленно ворочая непослушным языком, промычал:

— Шам-шам-шампанского...

— Может быть, на сегодня хватит: того и гляди, что растрату сделаем. Прошлый раз не чаяли, не думали, а семь тысяч не хватило. Хорошо, что быстро, до ревизоров, коллектив внес, а то бы... — начала возражать Волошина.

— Не-не беспокойся. Сальдо с буль-буль-дом сведем. Знаем как! Я про-про-прошу шампанского!

И с новой силой в потолок ударила пробка. И снова золотистая влага, шипя, пенясь и искрясь, до краев заполняла бокалы. Банкет продолжался.

Г. НЕЧАЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

СЕРЕНАДА

[Леонид Хаустов]

Как в испанской какой-нибудь драме,
Ходишь грандом, торчишь у ларька,
И такая тоска вечерами,
Вечерами такая тоска!

Л. Хаустов «Письма без адреса».

В полумрак погрузилась веранда,
В темном небе плывут облака.
В грустной позе испанского гранда
Я торчу у пивного ларька.

А душа и тоскует и стонет,
Словно моря раскатистый гул:
Это Муза в страданиях тонет
И кричит: Караул! Караул!

Караул! Я страдаю, страдаю!
С семиструнной гитарой в руке.
Я рыдаю, рыдаю, рыдаю
И спать припадаю к тоске.

К той тоске, что встает над горами
И вздымается за облака.
Вот какая тоска вечерами,
Необъятных размеров тоска!

Пусть же громче звенит серенада!
Мне не надо, не надо другой!
Ничего мне на свете не надо,
Кроме этой тоски дорогой!

Ленинград.

РАСПУСТИЛ ЯЗЫК...

РАНЕНИЕ В ГОЛОВУ

Придя с уроков, пятиклассник Коля сказал своим родителям:

— А Ворку Синецына сегодня ранило. В язык!

— Как... в язык? — Мамаша уронила на пол ложку.

— А очень просто, — хладнокровно подтвердил Коля.

— Но где же он, бедняжка, пострадал? — отрываясь от газеты, подал голос и папаша.

— А в школе.

— В школе?!

Родители подступили к сыну, но на все расспросы тот загадочно усмехался и ограничивался одной фразой: «Больше ничего не могу сказать: тайна».

Назавтра Коля, сияя, заявил:

— Наконец-то Гальку Скачкову долбануло! Прямое попадание в живот. Так ей и надо, ябеде!

— Какой ты жестокий мальчик! Она ведь может умереть, с такой раной не шутят...

— Ничего ей не сделается.

А еще через день Коля, хмурый и скорбный, пробормотал, что его самого на уроке ранило в голову. Бледные и перепуганные родители переглянулись, подошли к сыну.

— Что с тобой, мальчик? Ты нездоров? Ты бредишь? Простыл, наверное? Давай измерим температуру...

Но градусник показал совершенно нормальную температуру, а Коля на все попытки выяснить причину его странного поведения, как прежде, отвечивал: «Это тайна».

И тогда папаша и мамаша направили свои стопы в 20-ю неполную среднюю школу Свердловска, где учился Коля. То, что они узнали у директора школы Эмили Константиновны Городецкой, потрясло бедные родительские души.

Оказывается, руководство 20-й школы «в целях повышения успеваемости» решило проводить игру. Если ученик получает двойку по русскому языку, то в дневнике пишут: «Ранен в язык». Если плохая оценка по арифметике, запись иная: «Ранен в голову», — и это понятно, ибо при решении задач голова играет особую роль! При неуспеваемости по другим предметам диагноз такой: «Ранен в живот».

«Раненых» запирают в «изолятор», которым служит отдельная комната, и там лечат. Но не при помощи таблеток и мик-

стур, а вот как. В «изоляторе» находятся две табуретки. На одну «раненый» садится, вторая служит столом, на ней он и пьет, согнувшись в три погибели: выполняет задание, работает над ошибками.

«Главным врачом» является заведующая учебной частью школы Аврелия Григорьевна Федяева. Без ее разрешения из «изолятора» не выпишут, то есть не выпустят, ни одного «раненого». Сначала будь любезен исправь плохую отметку, а уж потом выйдешь на вольную волю!

Когда ошарашенные Колины родители попробовали усомниться в том, что эта затея внесет вклад в педагогическую науку, заведующая Чкаловским районом Свердловска Анастасия Савельевна Строганова отрезала:

— Это не затея, а эксперимент. Педагогический эксперимент!..

Увы, за подобный, с позволения сказать, педагогический эксперимент и Анастасии Савельевне и Эмили Константиновне придется поставить двойку и даже единицу! Хотя «ранением в голову» считать это все-таки не будем.

Олег СМЕРНОВ

Паршивая фамилия

Он высокий, сухой, остроносый. Волосы жесткие, густые, почти седые. Голос же совсем не соответствует росту: тонкий, со скрипом, чуть прижатый. А лет ему приблизительно пятьдесят пять — шестьдесят. Он никогда не улыбается, не может улыбаться, всегда суров и смотрит букой. Представьте себе тогощего, прямого, как сухостойная ольшина, человека, тщетно пытающегося изобразить лицом и телом своим, скажем, Илью Муромца. Вот вам и будет он самый.

Его можно часто видеть и на улице города и в Доме культуры, в кино, на базаре, в горсовете, на почте, в милиции — где угодно. Он вездесущий, этот угрюмый человек. И куда бы он ни пришел, там людям становилось не по себе. Если они до этого смеялись и были веселы, то сразу мрачнели; если они работали не покладая рук, то после него опускали руки; если люди были добрыми, то становились злыми; если же до приезда угрюмого кто-то был невесел, то, будьте спокойны, обязательно заплачет.

Я совсем не хотел называть этого интересного субъекта по той причине, что очень уж паршивая у него фамилия, тоже совсем какая-то несоответственная. Даже неудобно говорить — Прыщ. И каких только фамилий не бывает на белом свете! Только подумать — Прыщ!

Так вот, гражданин Прыщ, получая хорошую пенсию, отгрохал себе домик. Потом продал его. Потом отгрохал дом. И еще раз продал. После таких операций он потребовал, чтобы ему дали квартиру. И дали. Пытались не дать, но куда там!

— Вот как вы относитесь к народу! — заскрипел гражданин Прыщ в лицо председателю горсовета. — Значит, учтем. Мы и в центр дороги найдем. Что ж, будьте здоровы... до поры до времени.

— Вы же продали собственный дом! — развел руками председатель.

— А вы хотели, чтобы я в коммунизм вошел собственником? Интересно! Идеология! И вы, товарищ председатель, собираетесь руководить обществом, воспитывать?.. Да... Это действительно... — поскрипывал он с мрачной улыбкой, стоя и пристукивая пальцами по притолоке, собираясь уходить. — Идеология! Ты, председатель, бюрократ! — И ушел, угрюмо усмехаясь.

Он никогда не стеснялся в выборе выражений, будь перед ним молодой человек или старый, заслуженный или незаметный.

А через неделю из области — запрос, из Москвы — запрос. И все по поводу «дела» гражданина Прыща. Пять раз заседал Озерский горсовет, пять раз отписывались, разводили бюрократизм, а в шестой раз дали-таки квартиру тому человеку, который не желает войти в коммунизм собственником, а желает войти туда со сберкнижкой ценою в двести тысяч.

После того, как гражданин Прыщ перестал быть собственником и стал на порог коммунизма, он посвятил себя целиком и полностью делу укрепления общества го-

рода Озерска и воспитанию молодежи. Такую он поставил задачу, поскольку делать ему было нечего. И стал воспитывать.

Шел как-то гражданин Прыщ по улице. Шел медленно, будто он очень тучный человек, переваливаясь. Шел угрюмо, пошатывая исподлобья. И вдруг услышал — боже мой! — он услышал веселый, раскатистый смех. Навстречу ему — три комсомольца, веселые, жизнерадостные. Они что-то рассказывали друг другу наперебой и заразительно смеялись, прижимая книжки к груди.

— Непорядок! — сказал товарищ Прыщ. — Эй вы, хулиганы, стойте! — И он сам остановился перед ними.

Для ребят он будто вырос из земли. Ершистый парень с непослушными волосами вытаращил глаза и в ужасе прошептал:

— Пры-ыщ!..

— Где вы находитесь? Почему хулиганите?

— Мы не... — попробовал возразить ершистый парень.

— Ну? Возражаешь? Хорошо. Учтем. Заявлю в милицию. Пятнадцать суток.

Ребята попробовали его обойти. Один даже извинился, неизвестно за что. Но гражданин Прыщ преградил дорогу. Около них уже собралась группа любопытных.

— Что там? — спрашивали граждане друг друга.

— Да хулиганов задержали. Послушаем. Интересно...

А гражданин Прыщ пошел и пошел топить:

— Вы слышали, что неделю тому назад обокрали магазин? Кто воры? Оба молодые люди. Отчего это так? Воспитываем, граждане, вот таких вот. — И он указал на смущенных ребят. Гражданин Прыщ уже вошел в азарт: — Вы несчастные хулиганы, вы не понимаете, что улица — для всех трудящихся! А вы идете и гогочете так, что все на вас оглядываются и тоже смеются. Улица — это вам не дом терпимости!

— Вон оно что! — послышался голос из толпы.

— Смеялись на улице, — сказал другой. — Что же им за это будет?

И в тот момент, легонько раздвигая толпу, подошли два милиционера. Один из них сразу узнал Прыща и спросил:

— Кого задержали?

— Трех. Хулиганов. Нарушали порядок.

— Граждане, разойдитесь! Ничего не произошло! — взывал пожилой милиционер. — Давайте пройдемте... Пошли, ребята! В милиции разберемся.

— Пойдемте скорее: стыдно! — шепнул милиционеру ершистый паренек.

И они все ушли. Угрюмо ушел и гражданин Прыщ.

За углом первого квартала ребята кратко изложили о происшедшем. Их отпустили с миром. Но никто из троих уже не смеялся так заразительно, как они всегда смеялись. Было обидно. А вокруг все стало мрачным.

Но гражданин Прыщ проследил за ходом исполнения. Он узнал-таки, что ребят не довели до милиции, он пришел к начальнику милиции и мрачно запилил:

— Потакаете хулиганам! Для вас не существует законов! Воров разводите, хулиганов воспитываете! Кто виноват, что молодежь развращенная?

— Я этого не вижу, — перебил его спокойно начальник. — Наша молодежь хорошая. Есть, конечно, исключения. Этих надо лечить. Паршивая овца все стадо портит.

— Что вы мне слова не даете сказать?! — пилил гражданин Прыщ. — Вы виноваты. Зачем отпустили троих хулиганов? За взятки? Да?

— Каких хулиганов? — забеспокоился начальник.

И пошла катавасия. Прыщ — заявление. Начальник вызвал тех двух милиционеров. Нашли тех самых ребят, вызвали их в милицию, допросили. И опять отпустили. И опять гражданин Прыщ написал в область. И опять — запрос. И снова — ответ в письменной форме.

О, если гражданин Прыщ вошел в милицию, будьте покойны, милиционеры потеют: обязательно будет «дело»!

А в доме, где жили три веселых комсомольца, пошла молва: «Вызывали. Всех троих. Два раза вызывали. Ну и молодежь пошла! Ну и ну!»

— Воспитываем плохо, — скрипел гражданин Прыщ на каждом перекрестке. — Хулиганов отпускают. Она, и милиция-то, разложилась. С кого спрашивать?!

В общем, получалось так: если гражданин Прыщ шел по улице, то улица становилась угрюмой и казалось, дома сереют, а небо опускается и давит на городок Озерск.

Более того, гражданин Прыщ внес в горсовет письменное предложение следующего характера: «1. Запретить красить дома в белый, розовый, голубой, зеленый цвета, а равно и в прочие цвета, не внушающие доверия. 2. Предупредить всех граждан города о том, что дома должны быть преимущественно серыми, располагающими к серьезным раздумьям, или красными, поднимающими революционный дух масс».

Поскольку горсовет отказался от такого предложения, то гражданин Прыщ дал этому делу ход и написал в газету. Поскольку же газета не опубликовала его статью, то он написал на редактора вышестоящей инстанции. Будут скоро разбирать дело о невнимании редактора районной газеты к письмам трудящихся. Очень настойчивый этот сухой человек с жесткими волосами!

Но что дома? Дома — пустяк. А вот воспитание молодежи — это дело сложное. Дело дошло до того, что гражданин Прыщ не удовлетворился полным молчанием улицы; он все чаще и чаще стал просто останавливать молодых людей и продолжал воспитывать на ходу.

Однажды шли по тротуару девушки, человек пять — шесть. Все они из десятого класса, все в фартучках — очень культурная и милая ватажка. Вдруг одна из них тихо произнесла:

— Пры-ыщ!

И все произнесли тоже:

— Пры-ыщ!

Девушки приняли прямо-таки монашеский вид: слегка опустили головы, не разговаривали и скромно поприветствовали товарища Прыща. Он глянул на них, нахмурил брови и опустив углы губ, и спросил:

— А куда вы идете, позвольте-ка вас спросить?

— По домам, — ответила Лиза, самая смелая и самая маленькая из ватажки. — По домам. Из школы.

— Та-ак. А разве вы все живете в одном доме?

— Нет.

— Зачем так: ватагой?

— Так лучше, — ответила все та же Лиза.

— Ах, видите ли что! Так лучше! А если вас соберется сорок человек? А если сто? Значит, все можно? Так лучше вам? — Он

уже не давал открыть им рта.— Знаете ли вы, что в поведении на улице мы видим лицо школы, мы видим и результаты воспитания? Вы разве не слышали, что в нашем городе за один год народный суд рассмотрел шесть разводов? Да. Шесть женщин бросили шесть мужей! Отчего? От плохого воспитания в школе и дома. Улица вам не... для хулиганства. Улица, она призвана воспитывать молодежь. А вы, бессовестные, ватагой, как те глупые овцы... Бесстыдницы!

Высокая сухощавая Нина заплакала. Она никогда не слышала подобной обиды ни дома, ни в школе. А маленькая Лиза, как обозленный котенок, прыгнула к сухому человеку и выкрикнула в негодование, покраснев:

— Товарищ Прыщ! Вы прыщ!

О! Это было уже хулиганство. Гражданин Прыщ немедленно отправился к директору школы. Гражданин Прыщ возмущался. Гражданин Прыщ негодовал и требовал немедленного созыва родительского собрания, где он, Прыщ, желает сделать доклад о воспитании молодежи.

— Распустили! Довели молодежь до того, что жутко жить становится,— методично пилил он, скрипя и чуть взвизгивая, как тупая ножовка на сучке.— Вы понимаете, что вы разрушаете будущее нашего общества? С кем мы войдем в коммунизм, спрашиваю я вас?— пилил он директора.— Известно ли вам, что обокрали магазин? А? Неизвестно? Обокрали. Кто? Два молодых человека. Вы привели молодежь к пропасти. Вы!

Директор поднял обе руки, замахал ими и прокричал одно только слово:

— Уходите!

— Учтем,— сказал гражданин Прыщ.— Голос общественности выгоняете... Совесть народа! Прекрасно. У нас и в Москву дорога известна. Мы и в облою знаем путь.

Директор, уже совсем обессиленный, тихо и жалобно, в изнеможении, сказал еще раз, будто выдохнул:

— Уходите...

Гражданин Прыщ ушел. А директор, зарыв за ним дверь, сел в кресло и заплакал. По-настоящему заплакал. Сколько трудов, сколько бессонных ночей, сколько теплых писем из разных концов страны от выпускников школы! А тут пришел «голос общественности» (он же «совесть народа») и оскорбил старика... Заплачешь! Волком завоешь!

В тот же день об оскорблении директора узнали и те трое парней, которых таскали в милицию. (Они, оказывается, носили одно и то же имя — Петя. Так их, впрочем, и на улице звали — «три Пети» или «три веселых Пети».) Они возмутились. Чапа их терпения переполнилась. Они потрясли кулаками в воздухе, будто угрожая неприятелю.

— В райком комсомола! — крикнули все трое.— Завтра в райком! Больше терпеть нельзя! Нам теперь все равно: два привода в милицию уже имеем.

Все три Пети притопали в райком комсомола: Петя-длинный, Петя-толстый и Петя-ершистый.

Пети требовали немедленно созвать бюро и обсудить вопрос о гражданине Прыще.

— Не понимаю,— удивился, разводя руками, секретарь.— Как же вы сформулируете вопрос в повестку дня? Это же совершенно невозможно.

— Возможно! — гаркнули три Пети.

— Как же сформулировать? — повторил секретарь.

— «О влиянии Прыщей на состояние лица комсомола», — предложил Петя-длинный.

— «Борьба молодежи с Прыщами», — предложил Петя-толстый.

— Не так, — сказал Петя-ершистый.— «Прыщич порочат лицо советской молодежи и комсомола».

— Ну, это уж совсем не годится, — сказал секретарь.— Может быть, просто «О гражданине Прыще»?

— Нет, — сказали три Пети сразу, наперебой.— «О Прыщах», обязательно «О Пры-

щах», а не о Прыще. Может, еще где есть такие. Обо всех надо.

— Тогда так: «О гражданине Прыще и ему подобных», — заключил секретарь.

Представьте себе, ведь обсуждали на бюро! Степенный Петя-длинный сделал краткое сообщение.

— Товарищи! — говорил он.— Мы молодежь. Это точно. Мы любим школу. Точно. Мы работаем. Это тоже точно. Молодежь покорила целину, молодежь строит заводы, молодежь строит дома, молодежь проливала кровь на защите Родины. Это уж точно. Раз я сказал... Тут он малость зарпортовался, сбился и продолжал: — Не так я сказал. Значит, так: откуда же взялась такая молодежь? Из плохой школы, из плохой семьи? Не может этого быть! Точно. А гражданин Прыщ позорит нас на каждом шагу, оскорбляет. Везде сует нос и везде портит здоровый воздух. За что он порочит всех и вся? А от нас требуют вежливости к таким вот... Да если курицу дразнить, то и она будет драться! — крикнул он и вытер лоб рукавом.— Вот я вам еще расскажу. Играл на гармошке на базаре комсомолец из колхоза «Луч», а он, гражданин Прыщ, назвал его хулиганом. И чуть гармошку не отобрал. Да, спасибо, парень с головой. Говорит: «Ты за гармошку не берись. А то будешь очень бледный». И кулак показал. «Играть, — говорит, — не буду. Извиняюсь, если не полагается на базаре играть. А за гармошку прошу вас

не лапать». Почему это не полагается? Приехал человек из колхоза на базар, купил гармошку, а играть нельзя. Да еще и хулиганом обозвал. Да тут любой выйдет из терпения. Какую же от него требовать вежливость? Я и так еще скажу, как сказал один писатель: «Если человека каждый день называть свиньей, то он обязательно захрюкает... Почему нельзя играть на гармошке? Глупости все это! В общем, я кончил.

— А что же ты предлагаешь? — спросил Петю.

— А я и не знаю, что предлагать. Просто нельзя дальше терпеть таких Прыщей.

Долго думали ребята, какое же предложение внести и как его сформулировать. Да так ничего и не придумали. Отложили до следующего заседания. В общем-то, все согласились: терпеть дальше нельзя. А вот что же делать с Прыщами? Решили подумать.

А гражданин Прыщ пронюхал о заседа-

нии бюро райкома комсомола и заскрипел ухе в райкоме партии, у первого секретаря:

— Я дойду куда следует! Дойду! За что они опорочили голос общественности, молодкососы? Вы что же распустили их так? Так вы воспитываете комсомол? С кем же мы придем в коммунизм, товарищ секретарь? — И скрипел, и скрипел, и скрипел, как разлаженный чирковый манок.

А секретарь все выслушал. Он не заплакал, как директор школы, не вскипятился сразу, как три Пети, не стал проверять, как начальник милиции, не испугался, как председатель горсовета. Он, сказал так:

— Гражданин Прыщ! Я вас выслушал. Воспитывать молодежь надо. Согласен.

— От вас первого слышу такие слова! — воскликнул гражданин Прыщ.— Вот видите...

— Нет уж, я вас слушал, теперь вы послушайте. Так вот. Больше того, убежден я: в систему воспитания надо вносить коренные изменения, но... не с того конца, с которого вы... Впрочем, есть у меня совет.

— В советах я пока не нуждаюсь, мне...

— А все-таки...

— ...мне не двадцать лет.

— ...а все-таки...

— Это вы им советуйте, а...

— ...а все-таки...

— А...

— А все-таки! Все-таки!.. До свидания, черт вас возьми!

Нет! Не выдержал и секретарь. Он отошел к маленькому столику, налил из графина воды в стакан и пробовал спокойно освежить горло. Но зубы застучали о край стакана. Что поделаешь, у каждого человека нервы, а секретарь был тоже человек, и не железный. Вот и застучали зубы.

Теперь-то уж гражданин Прыщ напишет прямо в Москву. Будет и там «работа» по «делу» гражданина Прыща. Очень крепкий этот гражданин Прыщ. Крепок, как сухая мозоль: твердая, а нестерпимо больно. Сидит такая мозоль, мучает ногу и воображает, что без нее нога совсем бы пропала.

Ну что с ним делать? Да и что сделаешь, если он дошел даже и до библиотеки! Говорил, «дойду» — и дошел. Там он категорически заявил, как «голос общественности», что все книги, от которых читатель смеется, надо изъять.

— Вы мне не возражайте, — монотонно зудел он там.— Вы не думаете о том, что развращаете молодежь. Да. А надо думать. Да. Учтите: народ требует. Народ наш не желает смеяться в такие ответственные моменты строительства новой жизни. Учтите! Вот так. Я говорю это вполне серьезно. Я пишу критическую статью. Скоро будет готова. Учтите. Вот так.

Не дай-то бог, чтобы гражданин Прыщ проник еще и в литературу! Тогда мы перестанем смеяться, а сатире закажем гроб с бархатной обивкой и такими надписями: с одной стороны — «Со святыми упокой рабу божию сатиру», а с другой — «Жила бледно, умерла незаметно».

Что бы такое придумать для работы в деле борьбы с Прыщами? Правда, Петя-ершистый предложил написать такой лозунг: «Товарищи взрослые! Не проходите мимо Прыщей. Очень просим от лица всей молодежи».

Кто ж его знает? Может быть, он и прав, этот Петя-умница...

А насчет борьбы с Прыщами в литературе уж и не знаю, что порекомендовать. Заседание, что ли, какое-нибудь устроить в Союзе писателей в свободный от заседания день? Или, скажем, включить в план мероприятий и каждую субботу (короткий день) всем смеяться? А? Может быть, по методу Пети вывесить золоченую табличку размером 2×2 метра, на какой начертать крупно: «Прыщам вход воспрещен!»?.. Не знаю. Не знаю, дорогой читатель. Это не мое дело. Я даже и фамилию-то не хотел называть. Больно уж паршивая фамилия. Ха! Прыщ!

АВТОБИОГРАФИЯ

ЦИСТЕРНЫ

Родилась я в 1957 году на Горьковском автозаводе. Обмыли меня, покрасили и дали имя Молокоцистерна. Первые самостоятельные шаги, вернее, обороты колес, начала я делать в Ново-Айдарском районе, Луганской области. Там и номер получила: «ЩН-24-23».

Зашуршали мои шины по всем дорогам района. Сегодня из одного колхоза молоко везу, завтра — из другого. Но очень хотелось к постоянному хозяину попасть. Наконец мечта сбылась: получила назначение в колхоз «Родина».

Председатель тов. Заходяченко похлопал меня приветственно по боку.

— Поработаем мы с тобой, красавица!

Еду на новое место, обемми фарами подмигиваю, радуюсь. Наконец-то к настоящему хозяину попала! Раньше чуть ли не целый район обслуживала: что ни день, то новые люди, новые дороги. Теперь, думаю, у меня один путь будет: из колхоза «Родина» на молокозавод и обратно.

Но не знала, не чуяла, что молока мне уже больше никогда не видеть. Стали меня гонять на речку за водой для строительства. Была я светло-оранжевая, чистая, пахнущая парным молоком и сливками, а тут бока мои покрылись илом и зеленью, на версту болотом стала пахнуть.

Приехало однажды районное начальство и говорит председателю:

— Что же ты, Алексей Николаевич, свою замечательную попку не по назначению используешь?.. Она ведь в три раза дороже обыкновенной машины стоит.

Председатель извинился: недоглядел, говорит.

В тот же день перебросили меня на ферму. Заведующий фермой от восторга в ладоши захлопал.

— Где же ты, голубушка, раньше была? Да я без тебя, как без рук!..

И сразу же к делу определил, разобрал на части.

К одной половине — к шасси с мотором — большой ящик приделали и заставили навоз возить.

А главную часть — самое цистерну, посудину, которая двадцать тысяч стоит, — в землю наполовину закопали. Не успела опомниться — горловину зубилом срубили, напустили воды и начали там ягнят купать.

Теперь заведующий фермой привязывает ягнят поперек живота веревкой, окунает в воду и покривает:

— Технику надо до дна использовать!

На этом моя биография как автоцистерны и кончилась.

Извините, что разговорилась: уж очень наболело. Но я не только за себя ратую. Я что? Обыкновенная цистерна... А вот из Кустаная приехали; там, рассказывают, из бороны «зигзаг» кое-где в колхозах изгороди понаделали. А председатели этих колхозов, небось, на всех перекрестках кричат:

— Нам технику доверили! Так будем же ее беречь!..

И вот как берегут!..

Со слов бывшей молокоцистерны записали

М. ЦЫБА и К. ЗУБОЛЕНСКИЙ.

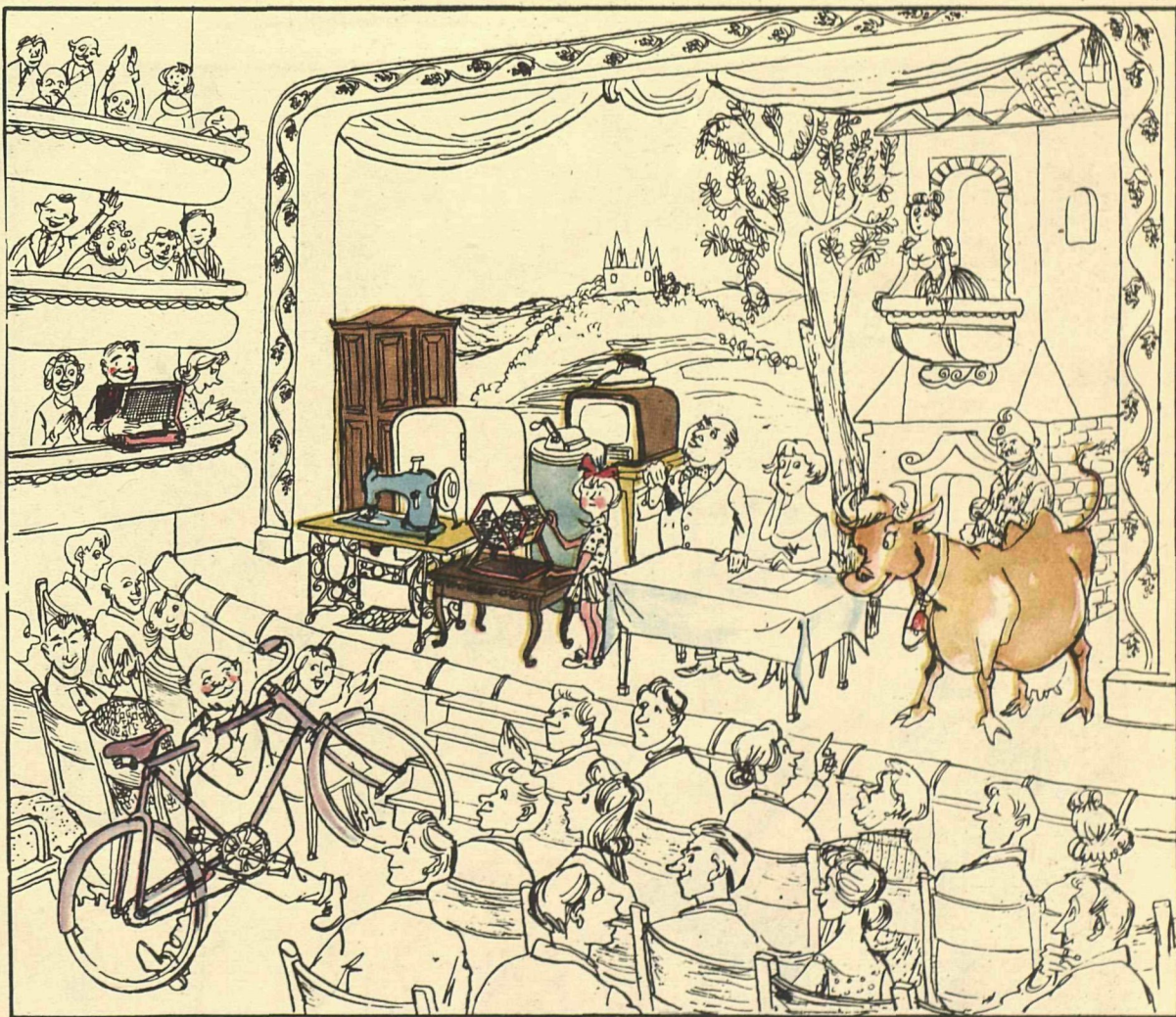
Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

КРИТИК-ОТШЕЛЬНИК.

У московских зрителей большим успехом пользуются розыгрыши памятных подарков, проводящиеся на стадионе в Лужниках.

Рисунок Б. САВКОВА.

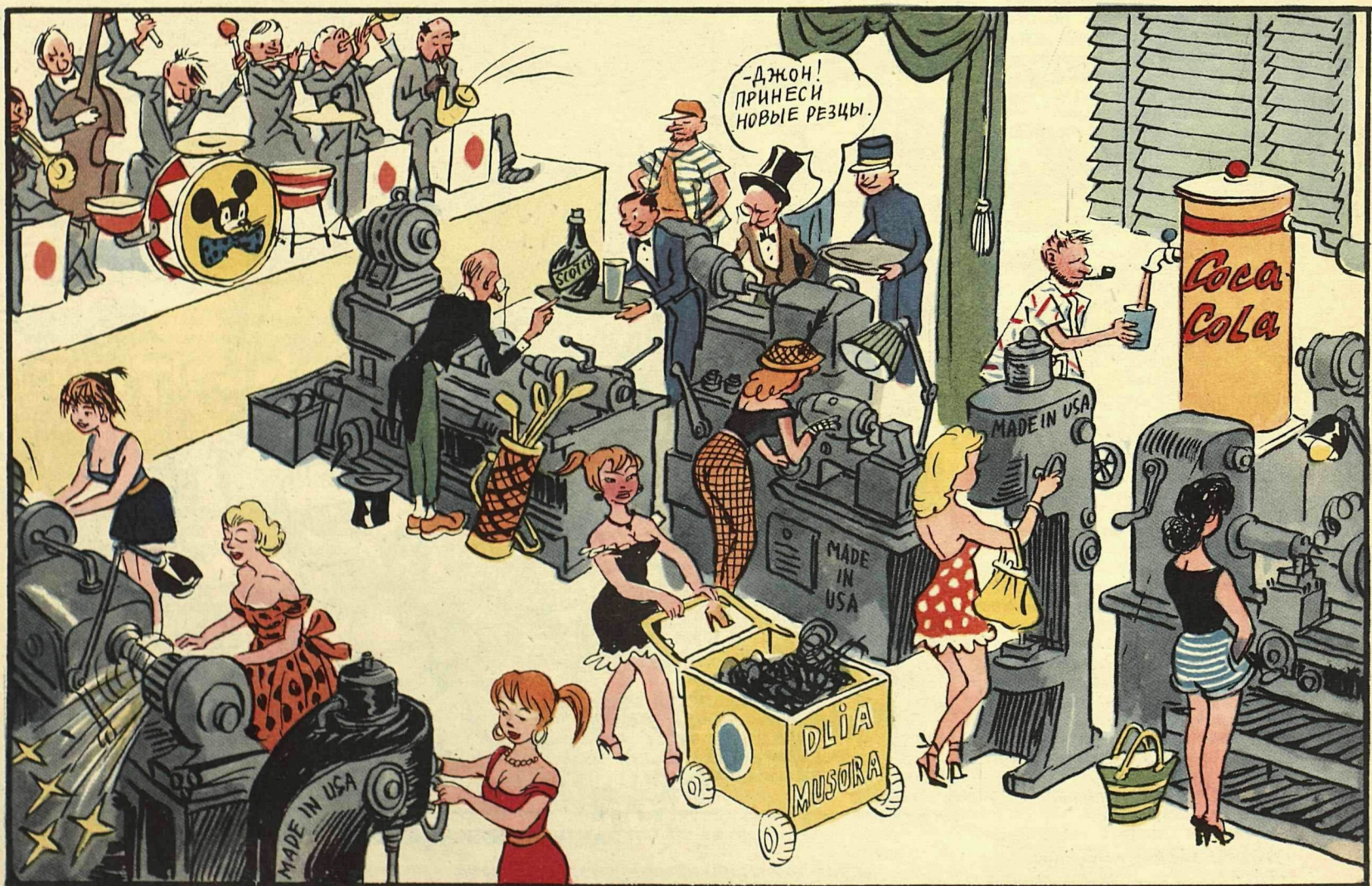

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

(Для некоторых театров, которые не могут привлечь зрителей разнообразием репертуара).

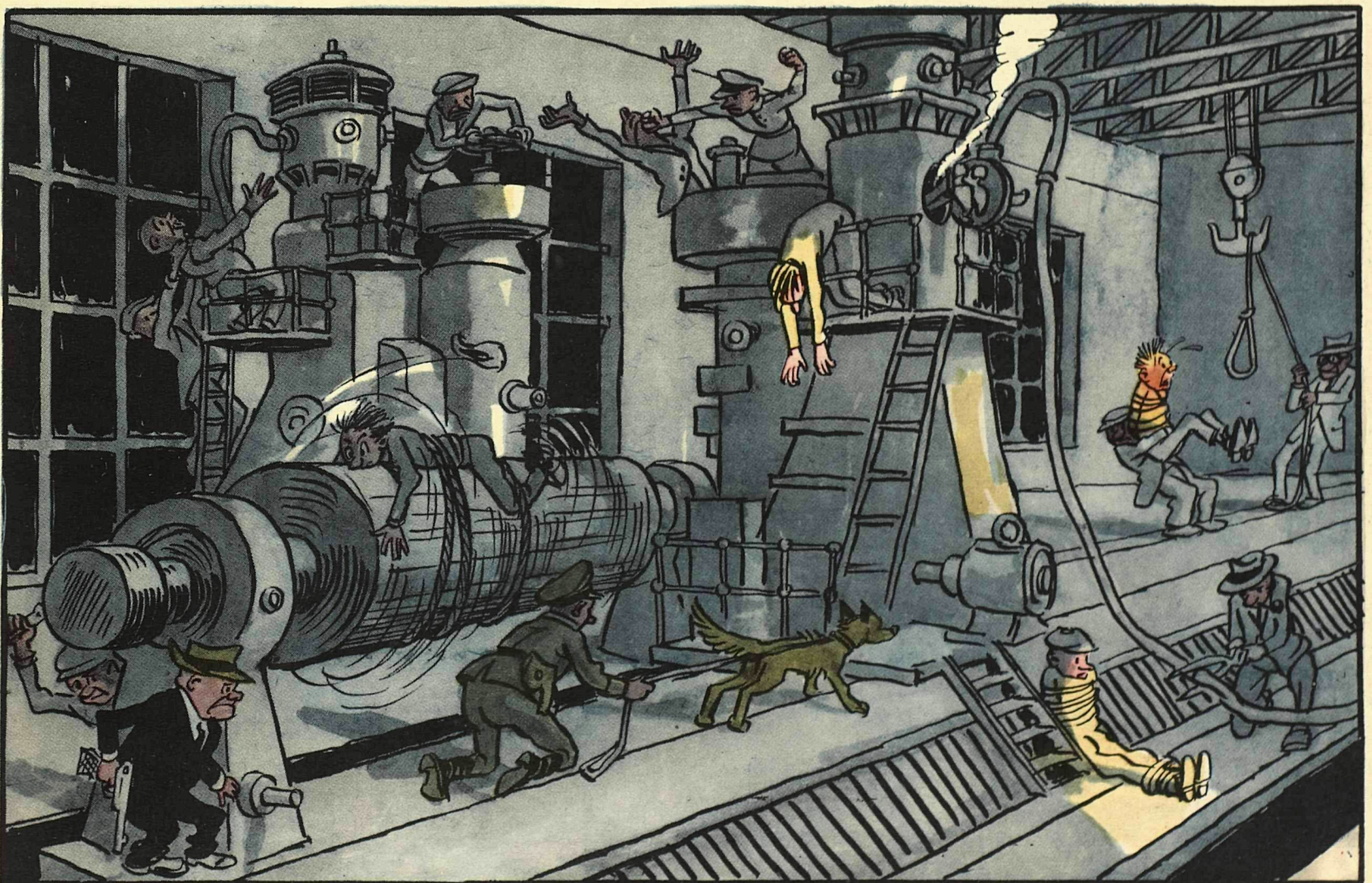
...поэта-лирика...

...писателя — любителя заграничного...

...писателя-историка...

...и автора детективных романов.

Чтоб зло пресечь...

В последнее время американцы зло издеваются над решением государственного департамента уберечь от коварного взора «нежелательных иностранцев» обширные земли на территории Соединенных Штатов. Они поднимают на смех выпущенную госдепартаментом карту, где с великолепными подробностями указано, в какие районы США запрещен допуск гостей с советскими паспортами. А между тем эта милая предупредительность, несомненно, диктуется железной необходимостью.

К сожалению, вместо того, чтобы разъяснить соотечественникам всю разумность этого шага, некто Генри Джеммилл в газете «Уолл-стрит джорнэл» высмеивает подобного рода государственные акты. Он пишет: «Мы считаем, что если у сотрудников госдепартамента нет лучшего способа провести время, то это подходящая для них забава».

А ведь это отнюдь не забава! Говоря конкретно, географическое руководство, изобретенное госдепартаментом, отмечает такие места, проникновение в которые грозит раскрытием военных секретов Америки.

Поэтому любой истинный патриот США должен только приветствовать эту профилактическую меру. Ведь если бы гостей Америки предоставили самим себе, они, чего доброго, могли бы не только в корне подорвать мощь «свободного мира», но даже и свергнуть существующий строй!

Недавно, например, «Нью-Йорк таймс» сообщила о решении госдепартамента отменить концерты советского пианиста Владимира Ашкенази в Бруклине и Ньюарке. Весьма своевременная мера! Кто может поручиться, что фортепьянные аккорды не перевернули бы эти города вверх дном?

Кто может гарантировать, к примеру, что иноземный гость, обозревая достопримечательности Лос-Анжелоса, не забредет случайно на стадион Роуз-Баул, тоже заштрихованный на карте госдепартамента? И разве, наблюдая за перипетиями футбола, этот гость не окажется невольным свидетелем тактических приемов, которые, возможно, разработаны Пентагоном для американской армии?

Послал, допустим, девятый номер команды «Рыжие буйволы» мяч правой ногой в чужие ворота, а гость подумает: «Девятая оперативная группа переходит в наступление правым флангом с целью овладения укрепленными позициями противника...»

Быть может, иной недальновидный американец и поверит в то, что осмотр зарубежными туристами любого из трех кладбищ того же Лос-Анжелоса вызван одной только любознательностью. Но ведь недаром эти кладбища заштрихованы запретным цветом на карте госдепартамента! Кто поручится, что надгробные надписи на памятниках не разгласят больше тайн, чем секретные сейфы военного ведомства? Кто рискнет утверждать, что эпитафия

*«Под сим камнем
покоится прах
Джона Стэнли
1890—1950 гг.»*

не означает: «Восточнее такого-то города под горой такой-то находится подземный авиазавод производительностью от 1890 до 1950 самолетов в год?»

Журнал «Спортс иллюстриейтед» по неведению заявляет, что «запретные зоны в Соединенных Штатах были выбраны наугад». Он глубоко заблуждается. Он идет

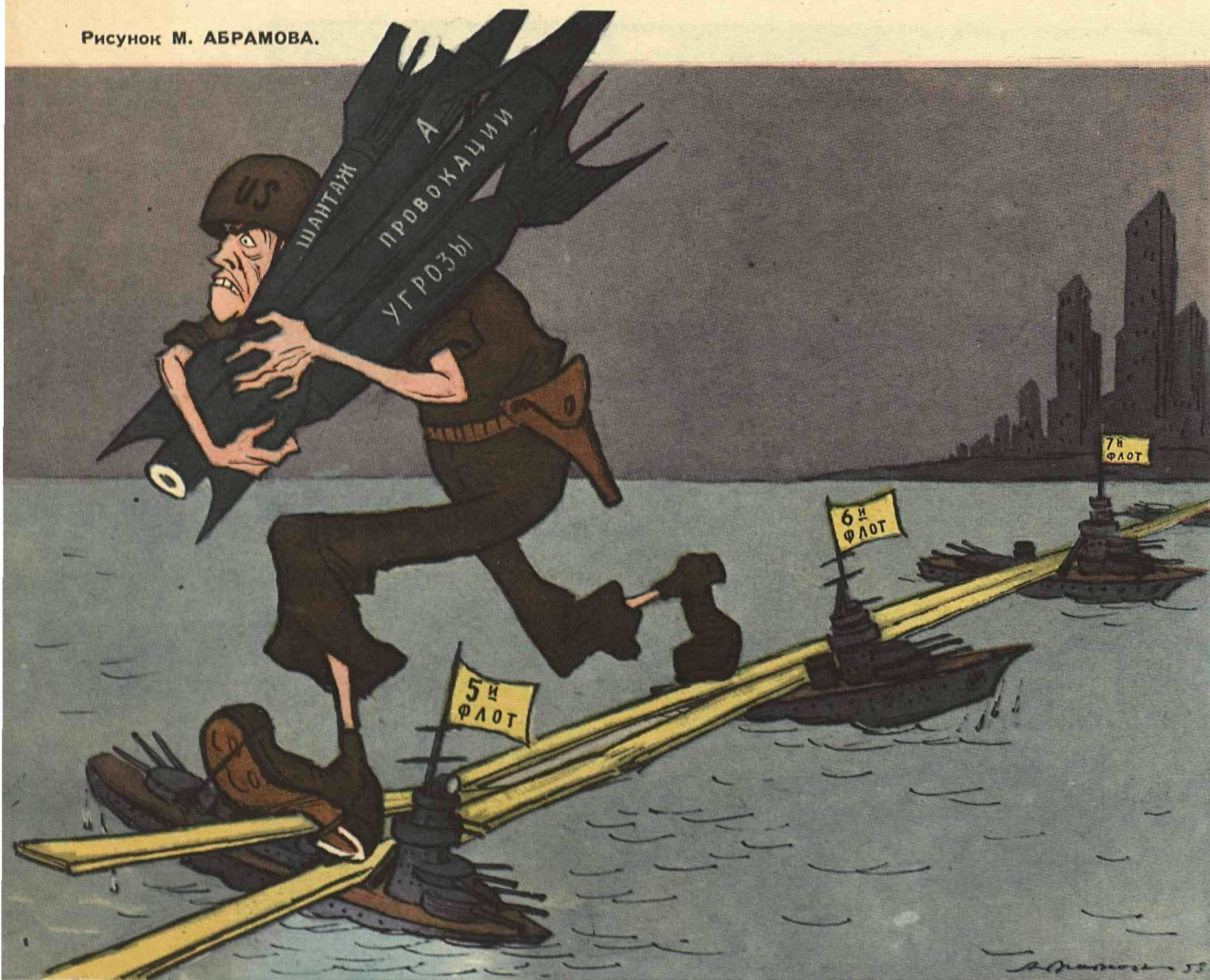
на поводу у тех легковверных американцев, которые полагают, что, например, в Чикагском зоопарке ничего нельзя узнать о состоянии вооруженных сил США. Какая наивность! Ведь не случайно же американские власти не разрешили недавно шести советским ученым ознакомиться с коллекцией этого, казалось бы, нестратегического заведения! Если рядовым американцам непонятны причины запрещения, то чиновникам госдепартамента они досконально известны. Дело в том, что в одной из клеток Чикагского зоопарка обитает хохлатый представитель многочисленного попугайного племени какаду. А кто может поручиться, что эта не в меру словоохотливая птица не выдаст тех тайн, которые будут стоить Соединенным Штатам утраты их военного могущества?

Однако злые языки продолжают утверждать, будто бы все эти запретительные меры преследуют цель не сохранения военных тайн, а раздувания «холодной войны». Но факты говорят сами за себя. Бдительность тридцатитысячной рати чиновников госдепартамента достойна не осмеяния, а, напротив, всяческого поощрения. И поэтому американцы должны сочувственно прислушаться к тем трезвым головам, которые предлагают включить в список запретных мест здание управления очистки города Нью-Йорка на 59-й улице. Ибо наверняка найдется в этом здании план дислокации мусорных баков. А что такое мусорный бак в руках подрывного элемента, должно быть ясно любому американцу, который заботится о безопасности Соединенных Штатов.

Понятно? То-то!

Д. ЛЮБИМОВ

Рисунок М. АБРАМОВА.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОНТОНЫ.

К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ

Поговорим о прогрессе. Точнее, об американском техническом прогрессе.

Он налицо. Как сравнишь век нынешний с временами минувшими, так и ахнешь: какой контраст! Какой прогресс!

Еще какую-то сотню лет назад по неукатанным дорогам необжитой Америки тащились скрипучие дилижансы и фургоны. Лошадей нахлестывали длинными бичами. Негров тоже.

Но время шло. Менялся облик страны. Зажглись вместо керосиновых ламп электрические. Да что там лампы — даже стулья появились электрические. На них стали сажать за всякие страшные грехи, а иногда и без всяких. Особенно, если подсудимый — негр. Обвинят в изнасиловании, которого не было, — и присядят, пожалуйста. Цивилизация!

Да, много воды утекло с тех пор, как по ухабистым дорогам тянулись скрипучие фургоны. Ныне по отутюженным лентам американских шоссе несутся комфортабельные лимузины, оснащенные всякой технической всячиной. Нажимаешь, допустим, кнопку — и на крыле вырастает гибкий сверкающий прут антенны. Хотите — слушайте музыку, хотите — выступление какого-нибудь конгрессмена насчет «священных прав человека», хотите... нам даже трудно себе представить, чего могут захотеть там, в Америке. Вот недавно в пригороде Нью-Йорка, в округе Куинс, группа подвыпивших белых захотела осчастливить своим вниманием негров, сидевших в парке на лавочках. Начался очередной «расовый конфликт» в типично американском духе. Участвовало в общей сложности шестьдесят человек. Негров били чем попало. Агентство Ассошиейтед Пресс сообщает, что «в свалке были использованы дубинки и кнуты, сделанные из автомобильных радиоантенн».

Вдумайтесь только в смысл этих слов: кнуты из автомобильных радиоантенн! Разве в этом остроумном приспособлении не отразился как в капле воды весь величественный технический прогресс Америки? Не какими-нибудь старомодными, наивно-патриархальными бичами, а дарами цивилизации полосуют нынче негров в Америке!

Что же дальше? Вернее, чем же дальше? Рукотной синхрофазотрона?

М. ВИЛЕНСКИЙ

Гадалка

На руках с ребенком малым
прохожу я спозаранку
шагом тихим и усталым
по окраинным кварталам,—
может, кликнет кто цыганку.

Погадаю за монету!
Говорите: денег нету!..

Подходите врозь и вместе!
За истертую монету
отгадаю честь по чести —
провалиться мне на месте! —
без обмана и без лести:
много ль куриц на насесте,
что вас ждет, какие вести,
едет ли жених к невесте
и мильон других известий,
не за сто и не за двести —
за одну всего монету...

Говорите: денег нету!..
Что ж, бесплатно погадаю.
Ну-ка, парень, ручку дай-ка!..
Голодаешь!

— Голодаю...

До чего ж рука худая...
Дай-ка ручку, молодайка!

Что, мужей берут в солдаты!
Чтоб сеньорам пусто было!
Возвратятся бородаты,
будешь старенькой тогда ты...
Ну, не плачь, я пошутила.

Погадаю за монету!
Говорите: денег нету!..

Эй, ко мне, тихоня грустный!
Ничего, что денег нету.
Верно, черствый хлеб
невкусный,
а початок кукурузный
не походит на котлету!

Что ж, судьбы твоей не
скрою:
раз уж ты доволен малым,
жуй себе траву с корою
и полночью порою
митингуй под одеялом...

Тихо, скромненько живите,
кто спасти желает шкуру.
Фалангистов не гневите,
церковь, бога не гневите,
не болтайте лишку сдуру.

Погадаю за монету!
Говорите: денег нету!..
Но наступит непременно —
верю пламенно в душе я —
в жизни вашей перемена!
Вам об этом откровенно
заявляет ворожея.

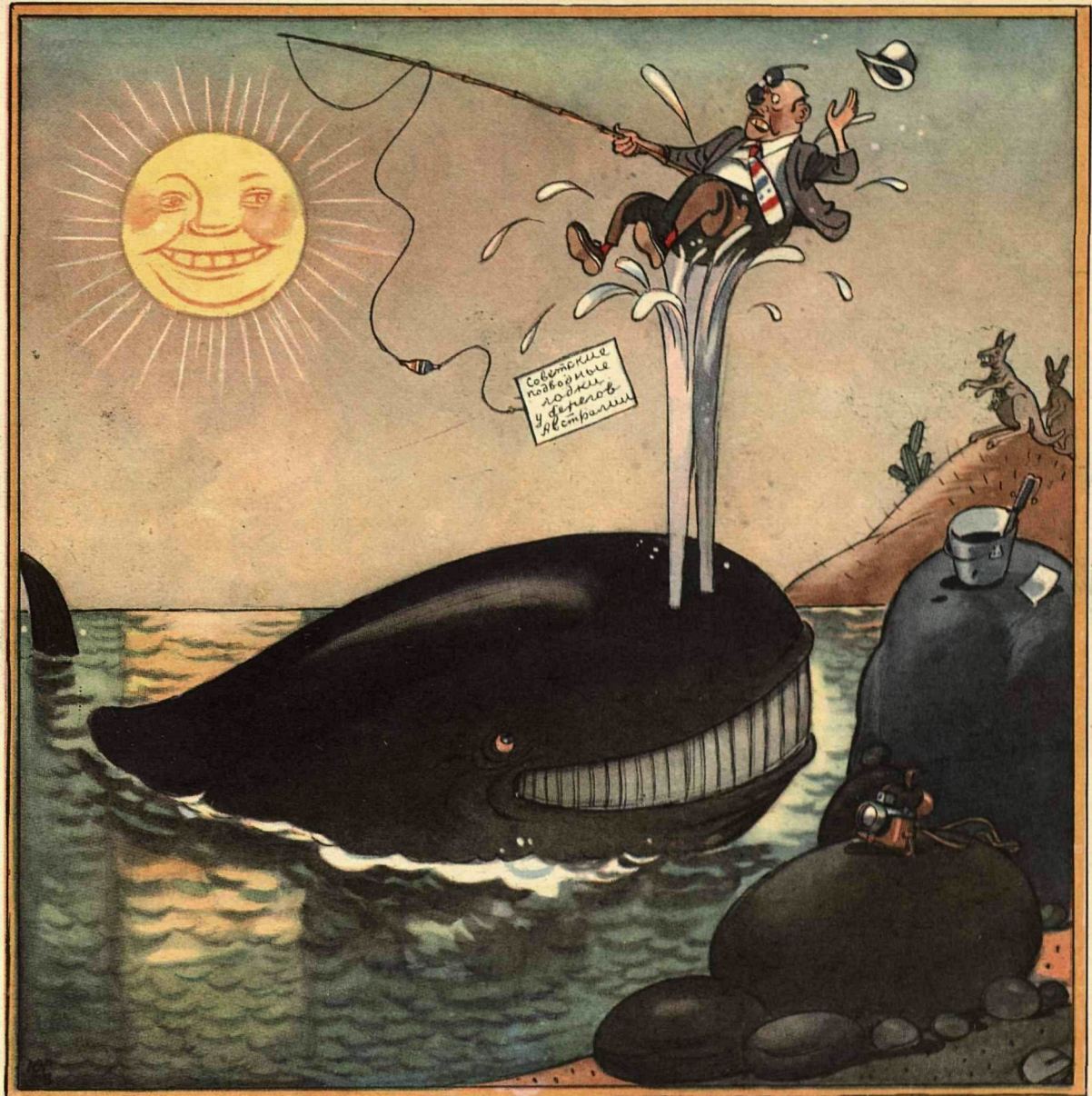
И, наверно, за победу
жизнь свою отдать не жалко!
Нет, не надо мне монету...
Вам бесплатно радость эту
дарит бедная гадалка!

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Австралийские власти объявили о появлении
у побережья Австралии «русских подводных
лодок». Выяснилось, однако, что это были...
киты.

СОРВАЛОСЬ!

КАК МОГ БЫ СКАЗАТЬ АДВОКАТ...

В Варшаве продолжается разбор дела Эриха Коха, виновного в массовом истреблении жителей Польши, Белоруссии, Украины.

Господа судьи, мой клиент, достопочтенный Эрих Кох, сказал вам: «Я могу принять на себя ответственность лишь за то, что принадлежал к народу и режиму, оказавшимся способными на преступления. Я не несу никакой ответственности за то, что было совершено».

Безусловно, до войны он был гаулейтером Восточной Пруссии и, как таковой, является ответственным и за ошибки того народа, который он сегодня обвиняет, и за тот режим, который он теперь обвиняет. Безусловно, он сгонял людей с родных мест, высылал их, расстреливал, сжигал города и села, расширяя сеть концлагерей. Когда он был верховным комиссаром Украины, он вел себя столь по-гитлеровски, что сам Гитлер одобрял его усердие.

Но во имя чего трудился он? Во имя Европы, хранительницы западной цивилизации и христианского духа, господа, во имя борьбы с коммунизмом. Не достаточен ли этот предлог? Если вы скажете «нет», вы вступите в противоречие с самыми светлыми и сильными умами Запада.

Достопочтенный Эрих Кох сказал здесь: «Ответственные лица находятся на свободе». Я не зайду так далеко, господа, чтобы утверждать, будто мой подзащитный совсем не относится к числу ответственных лиц. Но факты остаются фактами! Герр Герхард Шредер, нацист с 1933 года, правая рука Шахта, является министром внутренних дел Федеративной Республики Германии. Фриц Шеффер хвастался тем, что помог прийти Гитлеру к власти. Ныне он министр

юстиции. Герман Линдрат, в прошлом член нацистской партии, теперь министр. Ганс Зеэбом, который придавал арийский характер Чехословакии и занимал важный пост в ведомстве Геринга, ныне министр в правительстве Аденауэра. И, наконец, мой клиент следовал указаниям господина Теодора Оберлендера, также аденауэровского министра, который писал в 1940 году: «Германизация восточных территорий должна быть беспощадной».

Итак, господа, вот люди, ответственные за преступления режима. Они должны были занять место рядом с моим подзащитным. А так как их здесь нет, следует предположить, что те почести, которыми они окружены сегодня, являются в глазах некоторых западных государств вполне оправданными, как оправданы и все их идеалы, включая, например, концлагери.

Ответственность генерала Шпейделя за расстрел французских заложников во время второй мировой войны не вызывает никаких сомнений. Не вызывает сомнений и следующий афоризм Шпейделя, произнесенный им года четыре назад: «Франция может стать врагом номер один, если попытается помешать возрождению старой Германии».

Итак, господа, разве не возмущает вас разница в мерах по отношению к Гансу Шпейделю и Эриху Коху? Поэтому я прошу руководствоваться при вынесении приговора справедливостью и снисхождением. Обоих — Эриха Коха и Ганса Шпейделя — следует, на мой взгляд, приговорить к чему-то среднему между повешением и командованием французской армией.

Андре ВЮРМСЕР

Из газеты «Юманите».

РЕЙД «КРОКОДИЛА» И БРЯНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «СКВОЗНЯК»

В ДЕБРЯХ БРЯНСКА

Коза не виновата

С хорошим чувством вышли мы из Брянского лесохозяйственного института. Какие нужные стране кадры он готовит! И куда только не шлет своих питомцев! В ближние брянские леса и в дальнее Забайкалье, в Калининскую область и в Карелию, в Якутию, в Сибирь, в республику Коми... А что, если нам поглядеть, как работает кто-нибудь из молодых лесохозяйственников? Ну, хотя бы Леонард Михайлович Дмитриев?

Сборы были недолгими. Через несколько дней мы очутились уже в лесной чаще под Хабаровском. Идем, а навстречу нам лесная поисковая партия. Ищут того же, кого и мы. Беспokoятся:

— Из института Леонард Михайлович, получив деньги на проезд, выбыл, но к нам не прибыл. А вдруг он в наших дебрях заблудился? Или какая-нибудь дикая коза его по неосознанности забидала?..

Мы было тоже взволновались, да тут один старикан подсказал:

— Может, лучше его где-нибудь в Брянске поискать?

— Вы имеете в виду брянские леса?

— Не обязательно. Иной и в центре города с пути собьется...

Будто в воду старик глядел! Вернулись мы в Брянск, прочесали территорию в пятистах метрах от института и видим: на воротах вывеска «Брянскгоргаз». А за воротами дипломированный лесовод Л. М. Дмитриев. С гайками, трубками, кранами, горелками, счетчиками и прочим газовой техникой.

Не забидала его, значит, дикая коза...

Спасибо сердечным руководителям газового хозяйства, они послали Леонарда Михайловича после окончания института на курсы. И теперь, освоив за месяц всю премудрость, он, в общем, не отстает от других мастеров. Тем более, что у них даже среднего образования нет.

Мы осторожно поинтересовались, как смотрит Леонард Михайлович на свои обязательства перед государством. Но лесовод-газовщик сразу же перешел в атаку:

— Я любящий сын! И не брошу на произвол судьбы старую, немощную мать! И в лесную глушь ее не повезу! Она больна, прикована к постели...

Хотите, верьте, хотите, нет, но у нас тоже сердце не камень. Мы отпраздничали навесить болящую. Но не застали ее.

— Александра Георгиевна в столовой, — сообщили соседи.

— Сама ходит за обедом?

— Да не за обедом! На работу! Она же директор столовой.

Выходит, не так мама прикована к постели, как сыночек к Брянску...

„Деловая древесина“

По дороге от «тяжелобольной» мы заглянули на брянскую фабрику сборки клавишных инструментов «Десна». Не успели войти, такие фальшивые звуки услышали, хоть уши затыкай!

— Это что же у вас такое? — спрашиваем.

А нам отвечают:

— Новый инструмент пробуем. А он, видать, с нарушением технологии собран...

— Что же вы со своим технологом не посоветуетесь?

Оказывается, советовались. Только что же она может сказать?

По окончании средней школы Тамара Александровна Порошина поступила (трудно сказать, почему именно) в Брянский лесохозяйственный институт. Благополучно прошла курс наук, получила специальность лесоустроителя и вот, как видите, устроилась. Но на берегах этой «Десны» леса пока не произрастают. Конечно, и здесь есть, кро-

ме всяких там струн и молоточков, кое-какая деловая древесина: дощечки, планочки, ножки. А что к чему, пойдй разберись...

— Только я все это обязательно узнаю, — надеется новоявленный технолог-инструменталист. — И все названия выучу. И эти... как их там... басовые ключи научусь подбирать. У меня ведь все-таки высшее образование...

С некоторым опозданием

Третий заинтересовавший нас питомец Брянского лесохозяйственного института, Михаил Ильич Аршанский, тоже оказался в Брянске. И он вел переговоры о новой работе.

— Далеко собираетесь?

Нет, Аршанский собирался не в республику Коми, куда его направил было институт, не в Якутию, Карелию, Сибирь или Забайкалье. Двадцатиминутное путешествие на автобусе — и вот перед нами предмет внезапно вспыхнувшей страсти лесовода: Брянский завод дорожных машин.

— Разве там есть работа по вашей специальности?

— Я и не собираюсь служить по специальности! Выбор профессии был моей ошибкой...

Эта ошибка, обнаруженная с некоторым опозданием, обошлась государству в пятьдесят тысяч рублей. Двадцать тысяч Аршанский получил наличными как стипендию. И все-таки стоит на своем: ошибку необходимо, дескать, исправить. Притом обязательно в Брянске.

Вопросы с мест

Встречи с четвертым, пятым и шестым выпускниками Лесохозяйственного института, которые акклиматизировались в дебрях Брянска, существенно пополнили наши сведения по ботанике вьющихся растений (в просторечии — вьюнов).

Энтузиастка зеленых насаждений Двоя Борисовна Кунина привилась в районе строительного-монтажного управления (на улице Калинина). Сеет сметы и выращивает процентки.

Лесохозяйственница Эльвира Александровна Павлова пустила корни в облторготделе. Ведет учет спроса на оконные шпингалеты, пластмассовые стаканчики, чулки, перчатки и резинку для трусов.

Дипломовладелец Ярослав Иванович Гержеван-Лати получил назначение в Костромскую область. Но предпочитает выждать: авось, лес и посреди Брянска вырастет. Благо родители, которых он не решается оставить без помощи, его самого кормят и поят...

И вот мы отправляемся снова в институт, к исполняющему обязанности директора Владимиру Михайловичу Дронжевскому. Побеседовать и посочувствовать. Как ему, должно быть, горько! Ведь он, небось, к своим питомцам, как к родным детям, относился...

В результате беседы мы достигли полного взаимопонимания по всем вопросам. За исключением одного: почему родной сын самого Владимира Михайловича, питомец Брянского лесохозяйственного института Глеб Дронжевский, работает на брянском же заводе в качестве... начальника отдела снабжения?

А если перевести наш разговор, как надобно, из частного в общий план, мы хотели бы предложить еще два вопроса.

Не слишком ли беспечно принимают у нас порою в институты молодых людей и барышень, которым явно безразлично, где бы ни числиться на учебе, лишь бы получить какой-нибудь диплом?

И не пора ли круче, жестче обращаться с людьми, которые самочинно присваивают себе право исправлять свои «ошибки в выборе специальности» за счет государства?

Это очень многих на местах интересует.

А. НЕДЗВЕЦКИЙ («Сквозняк»),
С. ШЕВЕЛЕВ («Крокодил»).

г. Брянск.

Мкртич КОРЮН

Примерная Невестка

(Басня)

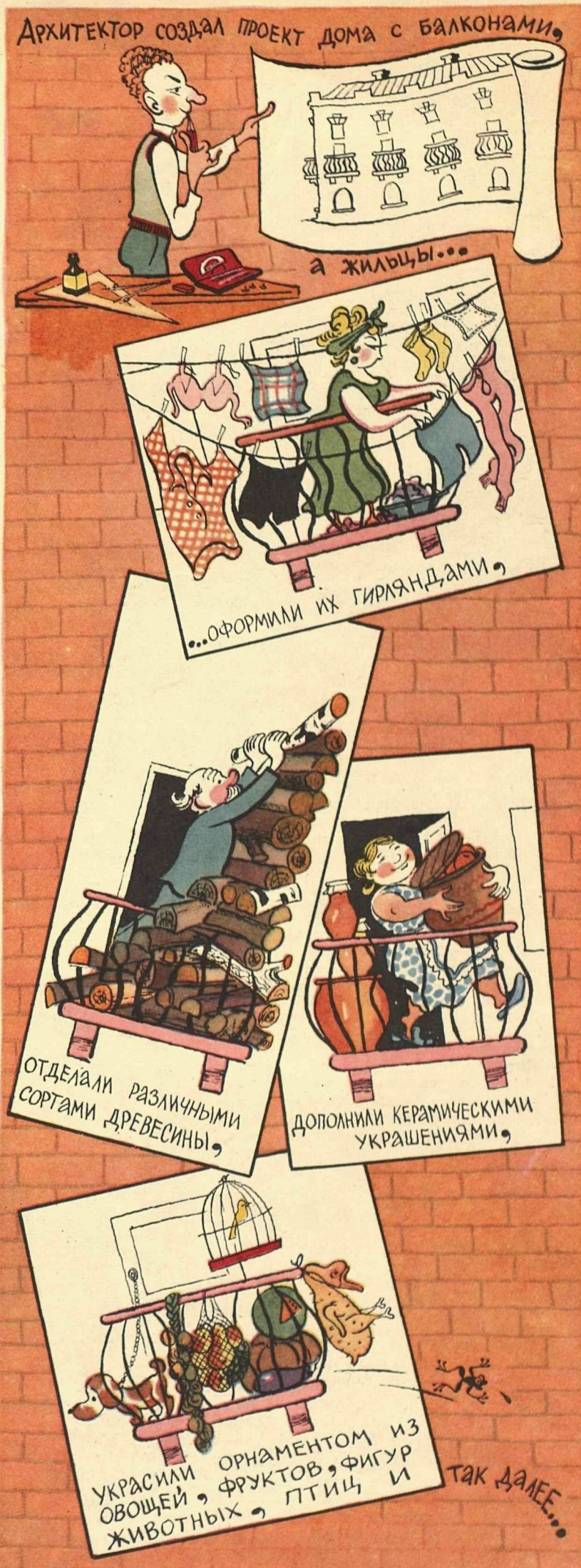
Старик со старухой сына растили.
Года подошли — они сына женили.
Ввели молодую Невестку в свой дом
(На старости лет им поможет во всем).
Невестка пришла.

Только что же такое!

Родители снова не знают покоя...
Пытались Невестку в хозяйство втянуть, —
Не хочет и пальцем она шевельнуть.
Чтоб личным примером Невестку пронять,
За веник взялась престарелая мать.
Тут свекор к жене, подмести хочет сам:
— Теперь уж работать тебе я не дам!..
Но, глядя на спорящих старых супругов,
Невестка, на миг поборов свою лень,
Сказала: — Мешаете только друг другу,
Не лучше ли вам подметать через день!!

Перевел с армянского А. САГРАТЯН.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗЛИШЕСТВА

Дорогой Крокодил!

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ
(К пятидесятилетию со дня рождения)

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Говорят, молчание — золото. Слышал, небось? Так вот, оно, может быть, и не золото, но подчас стоит немалых денег. Это уж точно.

Суди сам. Договорились мы в 1955 году с Котласским целлюлозно-бумажным комбинатом о том, что вышеназванное предприятие разработает нам гравийно-каменный карьер. Отмерили на это дело 32 гектара земли, по рукам ударили и разошлись честь честью. С тем и до свидания, пропал наш подрядчик, ни слуху ни духу. Три года пустует отведенная под карьер земля. К кому только мы не обращались за это время, откуда только не приходили распоряжения комбинату, чтобы он выполнил договор! Только руководители его на этот спрос уши заткнули. Знай себе помалкивают.

Так и идет: комбинат отмалчивается, земля без пользы простаивает, а мы из-за этого терпим ежегодно убытков на 60 тысяч. Видишь теперь, во что обходится молчание?

Г. РУСАКОВ,
председатель колхоза
«Путь к коммунизму».

Коношский район,
Архангельской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Тебе, коренному москвичу, известно, как милиционер останавливает вереницу машин. А дальше напряги свое воображение и представь: две — три машины

пересекают линию «СТОП» и спокойно выезжают на середину.

— Тормозить разучились?! — изумляется милиционер.

— А ты сам попробуй!

Машина катит, милиционер тормозит, тормоза не действуют. И вот кто-то уже пострадал от толчка машиной.

Примерно так может закончиться для нашей автобазы история с тридцатидвухкопеечным тормозным манжетом. Плохо обстоит дело со снабжением этой деталью (а заодно и тормозной жидкостью) автохозяйств Башкирской АССР. Причем вместе с деталью исчезла и организация, отвечающая за снабжение: Иван сваливает на Фому, Фома — на Ерему, Ерема — на Рахимова, начальника Управления материально-технического снабжения Министерства сельского хозяйства Башкирии, Рахимов — на директора Кизинского МРО Гембеля, Гембель — сразу на весь Главхимсбыт.

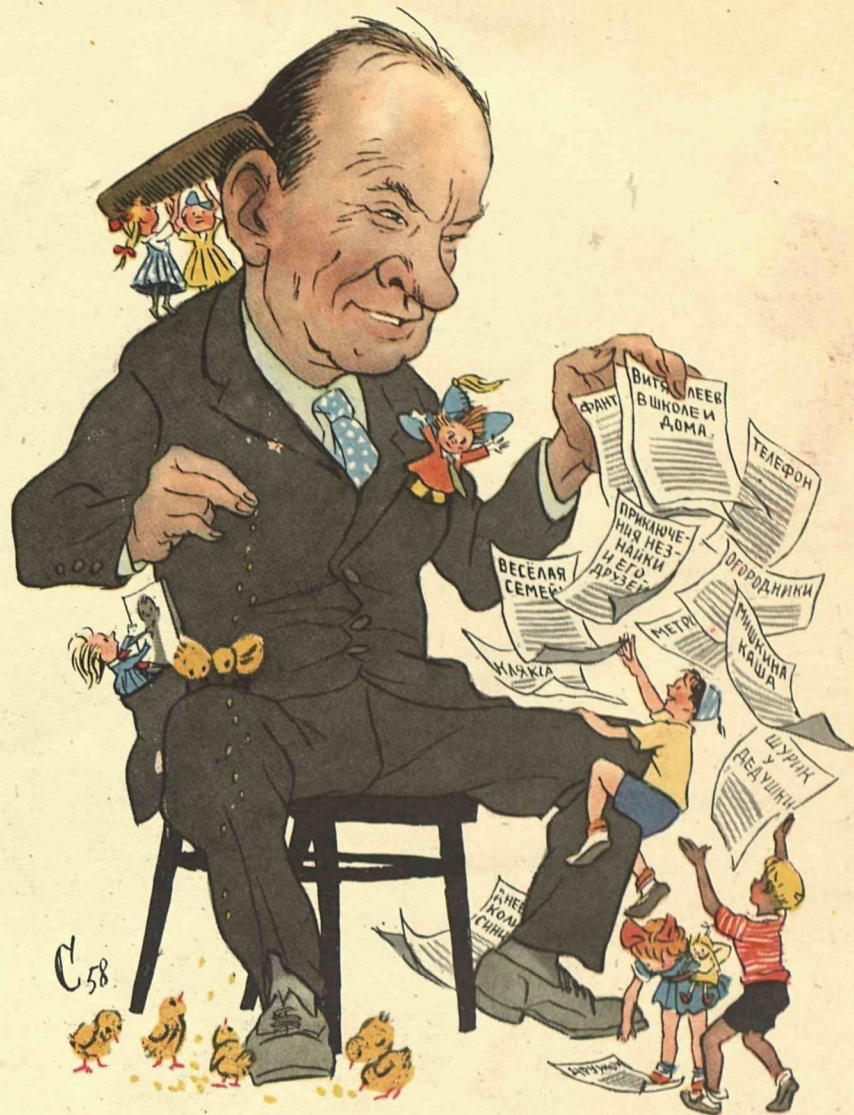
Наконец, практическим советом помогает Кизинская автобаза:

— Идите к воротам Уральского автозавода (город Миасс, Челябинской области), там из-под полы вам за десять рублей целый набор тормозных манжет продадут.

Сам понимаешь, товарищ Крокодил, стоит разобраться не только в отсутствии необходимой детали, но и в деталях снабжения этой деталью.

А. ОСИПОВ,
директор Месягутовского
зерносовхоза.

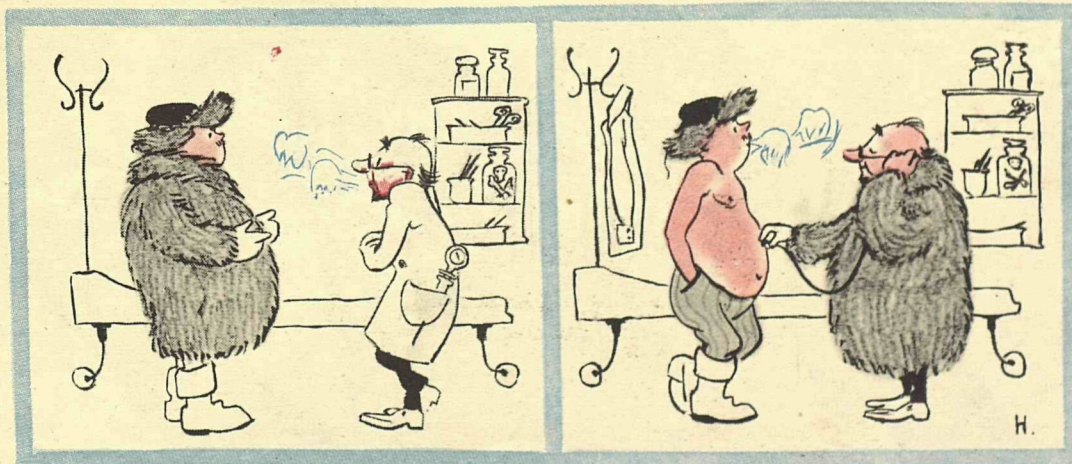
Мечетлинский район,
Башкирской АССР.

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА.

КОГДА В ЗАВОДСКОМ ЗДРАВПУНКТЕ ХОЛОДНО

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

— Нездоровится! Ну что ж! Раздевайтесь!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В фельетоне «Почему в Минске режут воль» («Крокодил» № 25 за 1958 год) говорилось о сильно затянувшемся строительстве Минского мясокомбината.

Фельетон обсуждался на бюро ЦК КП Белоруссии. Приняты меры по устранению недостатков в приеме, содержании и переработке скота.

Бюро ЦК КП Белоруссии обязало председателя совнархоза БССР тов. Тарасова и министра строительства БССР тов. Жижель ускорить строительство и ввод в действие предусмотренных планом на 1958 год всех мясокомбинатов, птицекомбинатов и холодильников. Минский мясокомбинат намечено сдать в эксплуатацию к концу текущего года. Начальник Управления мясо-молочной промышленности совнархоза БССР тов. Бируля и его заместитель тов. Перепечко строго предупреждены. Главный инженер Минского мясокомбината Чубукин Н. С. снят с работы с объявлением серьезного партийного взыскания.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЯНИ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 05373. Изд. № 1080. Подписано к печати 10/XI 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2621. Тираж 1.000.000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

20 НОЯ 1958

30696 т.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экз.empl.
1958 г.

коммунистическая
опасность!!!

коммунистическая
опасность!!!

